

Максим Горький. Коновалов

М.Горький. Избранные сочинения.
М., Художественная литература, 1986, сс.20-130
[OCR http://textshare.da.ru](http://textshare.da.ru)

Рассеянно пробегая глазами газетный лист, я встретил фамилию - Коновалов и, заинтересованный ею, прочитал следующее:

"Вчера ночью, в 3-й камере местного тюремного замка, повесился на отдушине печи мещанин города Мурома Александр Иванович Коновалов, 40 лет. Самоубийца был арестован в Пскове за бродяжничество и пересылался этапным порядком на родину. По отзыву тюремного начальства, это был человек всегда тихий, молчаливый и задумчивый. Причиной, побудившей Коновалова к самоубийству, как заключил тюремный доктор, следует считать меланхолию".

Я прочитал эту краткую заметку и подумал, что мне, может быть, удастся несколько яснее осветить причину, побудившую этого задумчивого человека уйти из жизни, - я знал его. Пожалуй, я даже и не вправе промолчать о нем: это был славный малый, а их не часто встречаешь на жизненном пути.

... Мне было восемнадцать лет, когда я встретил Коновалова. В то время я работал в хлебопекарне как "подручный" пекаря. Пекарь был солдат из "музыкальной команды", он страшно пил водку, часто портил тесто и, пьяный, любил наигрывать на губах и выбивать пальцами на чем попало различные пьесы. Когда хозяин пекарни делал ему внушения за испорченный или опоздавший к утру товар, он бесился, ругал хозяина беспощадно и при этом всегда указывал ему на свой музыкальный талант.

- Передержал тесто! - кричал он, оттопыривая свои рыжие, длинные усы, шлепая губами, толстыми и всегда почему-то мокрыми. - Корка сторела! Хлеб сырой! Ах ты, черт тебя возьми, косоглазая кикимора! Да разве я для этой работы родился на свет? Будь ты анафема с твоей работой, я - музыкант! Понял? Я - бывало, альт запьет - на альте играю; гобой под арестом - в гобой дую; корнет-а-пистон хворает - кто его может заменить? Я! Тим-тар-рам-да-дди! А ты - м-мужик, кацап! Давай расчет.

А хозяин, сырой и пухлый человек, с разноцветными глазами и женоподобным лицом, колыхая животом, топал по полу короткими толстыми ногами и визгливым голосом вопил:

- Губитель! Разоритель! Христопродавец Иуда! - Растопырив короткие пальцы, он воздевал руки к небу и вдруг громко, голосом, резавшим уши, возглашал: - А ежели я тебя за бунт в полицию?

- Слугу царя и отечества в полицию? - ревел солдат и уже лез на хозяина с кулаками. Тот уходил, отплевываясь и взволнованно сопя. Это все, что он мог сделать, - было лето, время, когда в приволжском городе трудно найти хорошего пекаря.

Такие сцены разыгрывались почти ежедневно. Солдат пил, портил тесто и играл разные марши и вальсы или "нумера", как он говорил, хозяин скрежетал зубами, а мне, в силу этого, приходилось работать за двоих.

И я был весьма обрадован, когда однажды между хозяином и солдатом разыгралась такая сцена.

- Ну, солдат, - сказал хозяин, появляясь в пекарне с лицом сияющим и довольным и с глазками, сверкавшими ехидной улыбкой, - ну, солдат, оттопыривай губы и играй походный марш!

- Чего еще?! - мрачно сказал солдат, лежавший на ларе с тестом и, по обыкновению, полупьяный.

- В поход собирайся! - ликовал хозяин.

- Куда? - спросил солдат, спуская с ларя ноги и чувствуя что-то недоброе.

- Куда хочешь...

- Это как понимать? - запальчиво крикнул солдат.

- А так и понимай, что больше я тебя держать не стану. Получи расчет и на все четыре стороны - марш!

Солдат привык чувствовать свою силу и безвыходность положения хозяина, заявление последнего несколько отрезвило его: он понимал, как трудно ему с его плохим знанием ремесла найти себе место.

- Ну, это ты врешь!.. - с тревогой сказал он, вставая на ноги.

- Иди-ка, иди...

- Идти?